УДК: 811.1/.8

DOI 10.17516/2311-3499-024

ЭСТЕТИКА ОШИБОК: ПУНКТУАЦИОННО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.А. Штеба

*I was not writing it to be printed.
If I were to do it over now I would do it differently,
because the writing of it as it now stands taught me both
how to write and how to read
(W.K. Folkner, 1930)*

В статье рассматриваются проблемы нарушений языковой нормы и функционально-семантического потенциала данных процессов. На основе анализа истории изучения языковых патологий описываются процессы текстовых трансформаций по сравнению с нормой на уровне метаграфического оформления. Привлечение материала художественной литературы потока сознания и краткий обзор синтаксических аномалий в языке социальных сетей показал, что лингвистика не столько должна выполнять предписывающе-диагностирующую функцию, сколько наблюдать за происходящими процессами разрушения нормы для определения причин и целевых установок говорящего. В этом заключается конструктивный аспект деструкции как сосуществование внутри эстетики плоскостей прекрасного и безобразного. Метаграфические и композиционные трансформации текста рассматриваются как знаковые образования, соответствующие трем аспектам семиотики, т.е. имеют содержательно-смысловое наполнение, объединяются в единое целое с буквенным текстом и экстралингвистической ситуацией, оказывают прагматическое воздействие на читателя. Отсутствие пунктуационного знака точки и использование строчной буквы вместо прописной является когнитивной рефлексомой (в терминологии З.Я. Кармановой), реализующей и активизирующей процессы мышления и понимания, изображающей недискретность, безграничность и динамичность порождения смысла, представляющей художественный вызов читателю, побуждающей его декодировать авторское намерение.

Ключевые слова и фразы: языковая аномалия; пунктуация; точка; строчная буква; метаграфическое оформление; эстетика безобразного; поток сознания; недискретность.

AESTHETICS OF THE MISTAKES: PUNCTUATION AND ORPHOGRAPHIC ASPECT

A.A. Shteba

The article deals with the problems of violations of the language norm and the functional and semantic potential of these processes. Based on the analysis of the history of the study of language pathologies, the processes of textual transformations are described in comparison with the norm at the level of meta-graphic design. The attraction of the material of the fiction literature of the stream of consciousness and a brief overview of the anomalies in the language of social networks showed that linguistics does not have to perform the prescriptive-diagnostic function as much as observe the ongoing processes of destroying the norm in order to determine the causes and communicative goals of the speaker.

This is the constructive aspect of destruction as co-existence within the aesthetics of the fields of beauty and ugliness. Meta-graphic and compositional transformations of the text are considered as sign structures corresponding to three aspects of semiotics, i.e. have a content-semantic content, are combined

into a single whole with the literal text and extralinguistic situation, have a pragmatic impact on the reader.

The absence of a punctuation mark of a point and the use of a lowercase letter instead of a capital letter is a cognitive reflex (in Z. Karmanova's terminology) that realizes and activates the processes of thinking and understanding, representing the non-discretion, unlimitedness and dynamism of the generation of meaning, which presents an artistic challenge to the reader, inducing him to decode the author's intention.

Keywords and phrases: *language anomaly; punctuation; point; lowercase letter; meta-graphic design; aesthetics of the ugliness; stream of consciousness; non-discretion.*

1. Введение

Эстетика наряду с аспектом «прекрасное» включает и «безобразное». Всё большая экспансия эмотивно неэкологичной коммуникации приводит к реализации у лексических единиц скрытого «безобразного» или деструктивного потенциала. Прекрасное влечет к себе, безобразное отталкивает, однако эстетическое чувство способно превращать безобразное в прекрасное, а конечное в бесконечное [Арутюнова 2004: 9]. Не всегда безобразное оценивается исключительно как отрицательное. На уровне сравнения с нормой безобразное выступает в функции своеобразной лакмусовой бумаги, указывающей на отклонение. Но безобразное как вещь-в-себе также может быть рассмотрено с позиции нормы, тогда нарушение системы приводит к развитию ее скрытого потенциала. По мнению Г.И. Богина, «смыслообразование есть более важная прерогатива искусства, чем реализм, и недоучет этого во всех видах коммуникации поистине опасен» [Богин 2001].

В настоящее время лингвистика пытается решать не только идентификационные, но и диагностические задачи [Олсон 2018]. С использованием традиционных и новых методов и приемов лингвистического анализа возможным становится определение социокультурных, личностных черт автора текста, воссоздание его эмоционального состояния на момент текстопорождения, дифференциация симулируемого психоэмоционального состояния от его «достоверного» аналога и пр. Лингвистика выходит на более высокий уровень абстракции, предлагает решения, далеко идущие вперед относительно, к примеру, влияния современных технологий на человека через анализ его текстовой продукции или воздействия на адресата стрессогенных и деструктивных текстов, скрытых за такими понятиями, как популярность, эстрада, развлекательный контент и пр. Отмечается процесс ослабления механизмов контроля человека за своим поведением, подверженность негативному влиянию извне, эмоциональное заражение и, как следствие, последующее распространение данного негативного влияния со стороны бывшей «жертвы» на адресата. В данной статье планируется рассмотреть явление подвижности и динамичности языковой нормы, а также выявить функционально-семантический потенциал ошибок. Напомним в данном контексте, что А.А. Потебня сознательно допускал грамматические ошибки в слитном написании *не* с глаголами. Таким образом, он одним из первых указал на лингвистически ощутимую и значимую в смысловом плане разницу между, к примеру, *нелюбить* и *не любить* (см.: [Новиков 2001: 647]).

2. Проблема отступления от языковой нормы

Наблюдения А.Р. Лурии за лицами, страдающими разными формами афазий, позволили опровергнуть гипотезу о регуляции их поведения процессами возбуждения и торможения, рассогласованностью и дисбалансом последних: «Быть может, однако, мы пошли по неверному пути, пытаясь одной формулой выразить всю сложную систему поведения? Быть может, здесь правильнее было бы предположить торможение одних участков и функций и возбужденное состояние других? Не является ли <...> картина поведения афазика сложной мозаикой торможения и возбуждения?» [Лурия 2002: 23]. В результате цитируемый ученый пришел к выводу о том, что структура организма обладает сложной организацией отдельных систем, находящихся в функциональном соотношении друг с другом. Структура же предполагает функциональную

неравноценность, когда одни системы обладают большей значимостью, являются ведущими по сравнению с другими, подчиненными: «Совершенно понятно, что значение их в системе организации неодинаково и что всю деятельность организма можно понять лишь как динамическую систему, обусловленную деятельностью ее ведущих частей. <...> Значительно более адекватными являются здесь понятия организации и дезорганизации» [Там же: 28].

Л.В. Щерба отдельное внимание уделял отступлению от нормы, на фоне которой неточности проявляют себя наиболее отчетливо и которые собственно указывают на границы нормативного. Для рассмотрения «неудачных высказываний», ошибок, неточностей, ляпсусов ученый ввел понятие отрицательного языкового материала. Так, индивидуальная речевая система не противопоставляется системе языка, а, естественно, является производной от данной системы. Тогда изучение особенностей языка одного конкретного автора может выявлять стилистические и функционально-семантические потенции языка в целом. Отрицательный языковой материал приводит к понижению уровня «комфортности текста» (подробнее см. далее), что может выступать стимулом, на который адресат способен отреагировать конструктивными усилиями поиска причины выявленных отклонений от некогда языкового эталона: «история каждого данного языка есть история катастроф, происходящих при смешении социальных групп» [Щерба 1974: 37].

В контексте сказанного важную роль играют исследования Ш. Балли, посвященные проблеме использования патологических фактов в языке [Балли 1955: 35–36]. Ученый считал, что языковые аномалии интересны в первую очередь тем, что они суть данность живого, функционального и функционирующего языка. Среди таких языковых патологий французский лингвист предложил разграничивать патологию «грамматики без ошибок» и положительные патологии как своеобразную реакцию языкового сознания пользователя на несовершенство нормы, скрытое стремление восполнить недочеты правильного языка.

3. Пунктуация как метаграфическая аранжировка текста

Одной из наиболее уязвимых для носителя языка областей, несомненно, является пунктуация. Пунктуация суть способ кодирования информации не только сообразно с языковыми нормами, но и в зависимости от коммуникативной цели говорящего. Поэтому вопросы пунктуации следует изучать в функционально-стилистическом и коммуникативно-прагматическом аспектах. Параграфемике нужно рассматривать как семиотический код, участвующий, в первую очередь, в реализации авторских задач коммуникантов (отправителя – реципиента) [Шубина 1999: 8]. Любой пунктуационный знак, равно как и его ненормативное использование, представляет метаграфический знак, приводящий к активизации речемыслительной деятельности адресата, запускающий скрытые смысловые векторы текста, когда «метаграфическая аранжировка» текста (по Н.Л. Шубиной) становится информационным каналом, направляющим внимание адресата.

Отдельное внимание исследователей всегда было обращено к интенциональным случаям отступления от языковой нормы. Так, Н.Л. Шубина [Шубина 2006] среди подобных отступлений рассматривает нерегламентированную и авторскую пунктуацию. Нерегламентированная пунктуация имеет потенциал смены своего статуса до уровня нормативной, регламентированной. Ее появление обусловлено такими факторами, как несоответствие между языковой системой и нормой, неравномерность развития пунктуационной системы по сферам реализации, где следует отличать, к примеру, предложенческий и текстовый виды пунктуации, отсутствие определенных предписаний по использованию некоторых знаков, наличие нестабильных зон в пунктуации, свобода выбора средств в выражении смысла, когда автор отбирает для себя те пунктуационные знаки, которые в большей степени соответствуют его коммуникативной цели и коммуникативному намерению. Кроме того, в данном контексте нужно учитывать диаду статичности и динамичности письменной и устной речи, что вызывает естественное расшатывание норм письменной пунктуации для стилизации текста под устную речь.

Проблема авторской пунктуации соотносится с понятием аффективной пунктуации, когда писатель, исходя из собственных задач, выбирает оптимальные средства выражения смысла,

поскольку, помимо содержательной, текст обладает графической моделью, от экспликации которой зависит реализация автором оптимального (соответствующего его целям) прагматического воздействия.

Поскольку метаграфическое оформление текста является дополнительным семиотическим кодом для выражения коммуникативно-целевой программы отправителя, а также способом «упаковки» смысла, разного рода модуляции на уровне пунктуации и композиционной организации текста приводят к изменениям пространственного восприятия текста. Таким образом, метаграфические преобразования в сравнении с языковой нормой могут становиться причиной как увеличения коммуникативной комфортности, так и снижения последней, что активизирует поисковые механизмы сознания реципиента, побуждает адресата определить причину возникающей некомфортности и, тем самым, сбалансировать процесс коммуникации посредством рецепции-понимания. Некомфортность вызывается функцией редукции смысла, которую выполняют метаграфические знаки, когда происходит активизация дополнительного к вербальной форме способа выражения мысли. В частности, Н.Л. Шубина указывает, что метаграфические знаки используются для репрезентации внутренней речи персонажа, изображения ее многоплановости, что в конечном итоге оказывает эмоциональное воздействие на читателя [Шубина 2006: 194]. В действительности, любое речевое высказывание уже является редукцией, аппроксимацией смысла (данные ограничения накладывает сам язык [Ионова 2006]), т.е. имеет место сужение смысла, для последующего декодирования элементов которого адресат может предпринимать усилия.

4. Семантика отсутствия точки и строчной буквы

Далее попытаемся рассмотреть скрытый эмоционально-смысловой потенциал точки и прописной буквы на практическом материале с целью обоснования представленных выше тезисов. Роман Уильяма К. Фолкнера «Шум и ярость», по праву считающийся шедевром мировой литературы и новаторским вызовом современности, неоднократно становился предметом филологического и литературоведческого анализа. Отличительной особенностью данного произведения, автор которого удостоен Нобелевской премии по литературе, является то, что повествование ведется от лица различных персонажей. У. Фолкнер искал ответы на новые вызовы для литературы и смело предлагал их читателю. По этой причине он попытался выразить речь и мышление трех персонажей, страдающих разными психическими расстройствами, проявляющимися в большей или меньшей степени.

Данный роман относится к произведению потока сознания. В своем исследовании Э.А. Воронина рассмотрела способы реализации художественного приема потока сознания, где повествование состоит из «сложного переплетения намеков, ассоциаций, обрывков связей, отдельных фактов, поступков, событий» [Воронина 2015: 376]. Поток сознания глазами одного из персонажей реализуется через выражение процесса ассоциативного мышления, отсутствие рассуждений, логических переходов, неспособность к абстрактному мышлению, бедный лексический словарь, разорванный синтаксис, неупорядоченность, разобщенность. Данный персонаж (психически нездоровый ребенок Бенджамин Компсон) не имеет представлений о причинно-следственных и хронотопных связях, особенность описания им действительности заключается в воспроизведении всех происходящих и ассоциативно вызываемых в нем событий, ситуаций без построения связей между ними [Шевченко 2012: 49]. Речевое поведение второго персонажа также является примером стилистически точного выражения распада языковой/речевой личности в форме дискретности припоминания эпизодов прошлого, разрушения субъектно-объектных отношений [Торопова 2015]:

«И всё-таки любой мерзавец *Он лежал у ящика под окном и ревел* который может приехать в лимузине с цветком в петлице» (Здесь и далее пунктуация, орфография и оформление текстов примеров сохранены. – Прим. наше. – А.Ш.).

«Мы продали луг Бенджи *Он лежал на земле под окном и ревел. Мы продали луг Бенджи чтобы отправить Квентина в Гарвард* братом вам».

По результатам исследования К.А. Ильиной [Ильина 2014], анализ Национального корпуса русского языка показал, что наиболее значимыми метаграфическими знаками для русского языкового сознания являются точка и многоточие. Семантическое ядро слова *точка* составляют такие семы, как 'завершенность', 'финальность', 'законченность мысли'. К периферии относятся семы 'четкость' и 'определенность мысли', 'акцент'. Точка суть знак препинания, обозначающий полную законченность повествовательного предложения. Пунктуационная нерегулярность в представленных выше примерах интересна скрытым смысловым потенциалом каждого отдельного предложения. К примеру, написание точки, но отсутствие прописной буквы в последующем предложении может указывать на то, что в данной фразе отсутствует характерная для нового предложения новая, раскрывающая предшествующую часть мысль. Подобная скачкообразность переключения внешней и внутренней речи, речи говорящего для других и его речи для себя кодируется с помощью нарушений орфографии.

Д. Кристал полагает, что точка как знак препинания изживает себя в эпоху социальных сетей, где главенствует свободный от пунктуации текст, сотканный из отрывистых предложений. Ученый указывает, что в данном пунктуационном знаке нет более необходимости, когда люди перестали общаться полноценными предложениями [Crystal 2015: 117]. В 90-ые гг. Интернет позволил пользователям такие нарушения правил, которые сейчас грозят превратиться в норму. Здесь следует напомнить, что *scriptura continua* (написание без пунктуационных знаков) продолжительное время было нормой. В медиадискурсе точка из привычного и преимущественно нейтрального в смысловом отношении знака стала эмотивом, выражающим по сравнению с ее отсутствием в идентичной по содержанию реплике агрессию, раздражение в значении '*мне больше нечего сказать*' (Ср.: *Хорошо VS Хорошо.*). Но на смену интенсификации пунктуационных знаков (как в случае с написанием более трех восклицательных или вопросительных знаков) пришли междометные аббревиатуры, например, *LOL* (*laughing out loud*) или *ROTF* (*rolling on the floor*). Пунктуация прогрессивно вытесняется более эксплицитными, эмоциогенными, но в то же время кодированными приемами эмоционализации речи. Внимание к намеренным и ненамеренным нарушениям нормы может обнаруживать как происходящие в обществе изменения, так и становиться способом декодирования скрытого замысла говорящего, в чем мы видим конструктивный аспект безобразного как нарушения нормы.

«Я снова пошел на почту, втоптывая мою тень в тротуар. сбегали с холма потом поднимались к городу как лампы подвешенные на стене одна над другой.

Словно всё это наспех, только чтобы хватило зелени каждому дереву, и даже голубая даль совсем не та, яркая и химерическая. сказали мне что кость придется ломать еще раз и внутри меня что то начало говорить Ай Ай Ай я покрылся потом Чего мне бояться я знаю что такое сломанная нога все знаю ничего такого мне просто придется дольше не выходить из дому только и всего а мои челюстные мышцы онемели и мой рот говорил Погодите Погодите минуточку...

Но почему она Куранты начали бить, когда я наступил на мою тень, но они отбили только четверть. Диакона нигде не было видно. думала, что стал бы мог бы

Она не имела этого в виду, но так поступают женщины это потому что она любит Кэдди.»

По правилам русского языка первое слово текста, а также первое слово после точки, многоточия, вопросительного или восклицательного знака, заканчивающих предложение, пишется с прописной буквы. Исключения составляют случаи, когда вопросительный или восклицательный знаки стоят внутри предложения между однородными членами. Аналогично данное примечание распространяется на слово, перед которым стоит восклицательный знак, после междометия. Также после многоточия, не заканчивающего предложение, а обозначающего перерыв в речи, первое слово пишется со строчной буквы [Правила ... 2009: 327].

В представленных выше примерах через эмотивную орфографию стилизуется психическое состояние персонажа, когда отсутствие заглавных букв в начале абзаца и/или предложения

позволяет эксплицировать поток сознания рассказчика, «вязкость» и неразделимость внутренних переживаний и окружающих событий, ситуативное доминирование непрерывности мышления. Если автор при отсутствии точки начинает новое предложение или разрывает синтаксическое целое внутренней неконтролируемой и прорывающейся вовне речью персонажа с заглавной буквы, то это может указывать на намерение говорящего показать значимость голоса наваждения, приступами которого страдает персонаж, его первостепенность проявления при рациональном подавлении. Также следует указать на то, что внутренняя речь персонажа практически никогда не оформлена пунктуационно. Синтаксически комплекс реплик внутреннего голоса персонажа разделяется орфографически, но при этом только эмоционально значимые реплики получают формальное выделение с помощью заглавной буквы.

5. Заключение

Дискретность нарратива, которую создает пунктуация, а также элементы орфографического и композиционного оформления текста не являются статичными. При этом такие категориальные особенности текста, как линейность и отсутствие динамики, также подвержены модуляциям (одним из наиболее очевидных примеров подобной текстовой динамики выступает явление интертекстуальности). Нарушение языковой нормы в художественном тексте приводит к созданию вызова, к новой глубоко психологизированной литературе, где привычные эмоциональные и логико-смысловые координаты утеряны, а им на смену приходит новая формация погруженного и вовлеченного в декодирование авторского намерения читателя. Основная функция заглавной буквы – членение и индивидуализация (в том числе это касается нового предложения = новой мысли), акцентуация (выделение), привлечение внимания и задержка внимания адресата. На материале проанализированных примеров показано, что основными и второстепенными функциями прописной буквы пренебрегают с целью придания тексту динамичности.

Заметим, что наряду с синтаксическим, морфологическим, словообразовательным и семантическим критериями написания принято выделять предложенный Д.Э. Розенталем стилистический критерий выбора прописной или строчной буквы [Валеева 2014: 275]. В зависимости от высокого или нейтрального контекста, а также стиля речи написание букв может варьироваться. При этом прописная буква в слове выделяет его из класса подобных, акцентирует на нем внимание, тогда как в анализируемых примерах каждая единица непрерывного нарратива равна и значима – это «чистое» сознание, лишенное формальных внешних атрибутов значимости.

Современный медиадискурс характеризуется ослаблениями языковой нормы, затрагивающими все основные уровни его системы. Подобные трансформации (грамматические, орфографические, стилистические неточности или ошибки), как и в случае их интенционального допущения в художественном дискурсе, обладают функциональной значимостью. Как следствие, языковая норма представляется континуальным, динамичным явлением кода; образование нормы сопровождается созданием «анти-нормы» в том или ином дискурсе, а уже последняя способна превращаться в новую норму в случае ее одобрения языковым сообществом. Подобное представление о конструктивном потенциале ошибок позволяет анализировать личностные стимулы и мотивы речевой деятельности говорящего.

Литература

Арутюнова Н.Д. Истина. Добро. Красота: взаимодействие концептов // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик 2004. С. 5–29.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1955. 416 с.

Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику. Тверь, 2001. [Электронный ресурс] URL: infanata.org/2007/04/16/obretenie_sposobnosti_ponimat_vvedenie_v_germenevtiku.html (дата обращения: 10.01.2016).

Будниченко Л.А. Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте: на материале языка газет: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2004. 283 с.

Валеева Т.Н. Употребления прописных и строчных букв: академическая норма, корпоративная норма, узус // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. № 2–1. 2014. С. 274–281.

Воронина Э.А. Художественный прием потока сознания в романе У. Фолкнера «Шум и ярость» // Наука ЮУрГУ: материалы 67-й научной конференции. Челябинск, 2015. С. 375–380.

Ильина К.А. Соотношение между вербальными и графическими знаками в обыденном метаязыковом сознании: знаки конца предложения // Вестник Томского государственного университета. № 380. 2014. С. 12–17.

Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов. Волгоград: Из-во ВолГУ, 2006. 320 с.

Лурия А.Р. Природа человеческих конфликтов. Объективное изучение дезорганизации поведения человека. М.: Когито-Центр, 2002. 527 с.

Новиков Л.А. Что стоит за слитным написанием не- с глаголами у А.А. Потебни. Об одной особенности орфографии ученого // Новиков Л.А. Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: Изд-во РУДН, 2001. С. 642–652.

Олсон Дж. Слово как улица. М.: АСТ, 2018. 256 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М.: АСТ, 2009. 432 с.

Торопова Л.А. Роман Фолкнера «Шум и Ярость» и роман Достоевского «Братья Карамазовы» как художественные проявления строя тех языков, на которых они были написаны // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 195–199.

Шевченко А.С. Языковая личность персонажа Бенджамина Компсона как способ выражения идеи автора // *Lingua mobilis*. № 6 (39). 2012. С. 47–51.

Шубина Н.Л. Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста: дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 1999. 455 с.

Шубина Н.Л. Пунктуация современного русского языка: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 256 с.

Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: «Наука», 1974. С. 24–39.

Crystal D. Making a point: the pernicky story of English punctuation. London: Profile books LTD, 2015. 378 p.

Источник иллюстративного материала

Фолкнер У. Звук и ярость. Пер. с англ. И. Гуровой. М.: Издательство АСТ, 2017. 416 с.

References

Arutjunova N.D. Istina. Dobro. Krasota: vzaimodejstvie konceptov [Truth. Good. Beauty: the interaction of concepts]. *Logicheskij analiz jazyka. Jazyki jestetiki: Konceptual'nye polja prekrasnogo i bezobraznogo* / Otv. red. N.D. Arutjunova. Moscow, Indrik Publ., 2004, pp. 5–29.

Balli Sh. Obshaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka [General Linguistics and the questions of the French Language]. Moscow, Izd-vo Inostrannoj literatury Publ., 1955. 416 p.

Bogin G.I. Obretenie sposobnosti ponimat': Vvedenie v germenevtiku [Finding the ability to understand: Introduction to hermeneutics]. Tver', 2001. Available at

infanata.org/2007/04/16/obretenie_sposobnosti_ponimat_vvedenie_v_germenevtiku.html (accessed 10.01.2016).

Budnichenko L.A. Jekspressivnaja punktuacija v publicisticheskom tekste: na materiale jazyka gazet [Expressive punctuation in the journalistic text]. Philology Cand Diss. S-Peterburg, 2004. 283 p.

Valeeva T.N. Upotreblenija propisnyh i strochnyh bukv: akademicheskaja norma, korporativnaja norma, uzus [Usage of upper and lowercase letters: academic, corporate and usual norms]. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova*, no 2–1, 2014, pp. 274–281.

Voronina Je.A. Hudozhestvennyj priem potoka soznanija v romane U. Folknera «Shum i jarost'» [Literary technique of the stream of consciousness in W. Faulkner's novel "The sound and the fury"]. *Nauka JuUrGU: materialy 67-j nauchnoj konferencii*, Cheljabinsk, 2015, pp. 375–380.

Il'ina K.A. Sootnoshenie mezhdu verbal'nymi i graficheskimi znakami v obydenom metajazykovom soznanii: znaki konca predlozhenija [The correlation between verbal and graphic signs in the ordinary meta-linguistic consciousness: the signs of the end of sentence]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 380, 2014, pp. 12–17.

Ionova S.V. Approksimacija sodержaniya vtorichnyh tekstov [Approximation of the content of secondary texts]. Volgograd: Iz-vo VolGU Publ., 2006. 320 p.

Lurija A.R. Priroda chelovecheskih konfliktov. Objektivnoe izuchenie dezorganizacii povedenija cheloveka [The nature of human conflicts. Objective study of disorganization of human behavior]. Moscow: Kogito-Centr Publ., 2002. 527 p.

Novikov L.A. Chto stoit za slitnym napisanie ne- s glagolami u A.A. Potebni. Ob odnoj osobennosti orfografii uchenogo [What is behind the merged spelling of non-verbs in works of A. Potebnya: about one feature of the spelling of a scientist]. *Novikov L.A. Izbrannye trudy. Tom II. Jesteticheskie aspekty jazyka. Miscellanea*, Moscow: Izd-vo RUDN Publ., 2001, pp. 642–652.

Olson Dzh. Slovo kak ulica [Word as evidence]. Moscow: AST Publ., 2018. 256 p.

Pravila russkoj orfografii i punktuacii. Polnyj akademicheskij spravocnik [The rules of Russian spelling and punctuation. Full academic reference book] / Pod red. V.V. Lopatina. Moscow: AST Publ., 2009. 432 p.

Toropova L.A. Roman Folknera «Shum i Jarost'» i roman Dostoevskogo «Brat'ja Karamazovy» kak hudozhestvennye projavlenija stroja teh jazykov, na kotoryh oni byli napisany [The novel of Faulkner's "The sound and the fury" and Dostoyevsky's novel "The Brothers Karamazov" as artistic manifestations of the structure of those languages in which they were written]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, Tambov: Gramota Publ., 2015, no 2 (44): in 2 part . Part I, pp. 195–199.

Shevchenko A.S. Jazykovaja lichnost' personazha Bendzhamina Kompsona kak sposob vyrazhenija idei avtora [The language personality of the character of Benjamin Compson as a way of expressing the idea of the author]. *Lingua mobilis*, no 6 (39), 2012, pp. 47–51.

Shubina N.L. Punktuacija v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte i ee mesto v semioticheskoj sisteme russkogo teksta. Philology Dr. Diss, Sankt-Peterburg, 1999. 455 p.

Shubina N.L. Punktuacija sovremennogo russkogo jazyka: uchebnik dlja stud. vyssh. uceb. zavedenij [Punctuation in the communicatively-pragmatic aspect and its place in the semiotic system of the Russian text]. Moscow: Izdatel'skij centr «Akademija» Publ, 2006. 256 p.

Shherba L.V. O trojakom aspekte jazykovyh javlenij i ob jeksperimente v jazykoznanii [On the Three-Dimensional aspect of Linguistic Phenomena and the Experiment in Linguistics]. *Shherba L.V. Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'*, L.: «Nauka», 1974, pp. 24–39.

Crystal D. Making a point: the pernicky story of English punctuation. London: Profile books LTD, 2015 Publ.. 378 p.

Folkner U. Zvuk i jarost' [The sound and the fury]. Per. s angl. I. Gurovoj. Moscow: Izdatel'stvo AST Publ., 2017. 416 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Штеба Алексей Андреевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Россия, Волгоград, 400066, пр. Ленина 27

E-mail: alexchteba@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Shteba Alexey Andreevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate professor of the Department of Roman philology

Volgograd State Socio-Pedagogical University

27 Lenina prospect, Volgograd 400066 Russia

E-mail: alexchteba@yandex.ru